

В заключение хочу сказать о Николае Алексеевиче Панькове, которому посвящен сборник. Это настоящий подвижник своего дела, посвятивший жизнь всему, что связано с деятельностью М. М. Бахтина и его друзей. Именно он впервые познакомил нас и с детством и юностью Михаила Михайловича, и с обстоятельствами защиты им диссертации и прохождения его дела в ВАКе, и с этапами написания книги «Марксизм и философия языка», и со многим другим. В нелегкие 90-е годы, работая в особо трудных условиях провинции, он сумел создать и вести более десяти лет единственный в мире специальный бахтинский журнал (вообще редкий пример журнала, посвященного деятельности одного ученого). Он сумел связать между собой специалистов в разных областях науки, весьма отличных друг от друга по научным, а иногда и по политическим взглядам, объединенных лишь интересом к бахтинскому направлению в гуманитарных науках, когда-то казавшемуся маргинальным, а теперь ставшему очень плодотворным. Николай Алексеевич сумел заразить своей увлеченностью и людей, первоначально далеких от бахтинистики.

Не могу здесь не сказать и о себе. До 1994 г., когда я познакомился с Паньковым, я считал М. М. Бахтина «чистым» литературоведом, о книге «Марксизм и философия языка» знал, но не считал ее интересной, к тому же был воспитан в парадигме структурализма, враждебной «кругу Бахтина». Но Николай Алексеевич, поймавший меня однажды в аудитории МГУ и предложивший дать лингвистический комментарий к публикации аспирантского дела В. Н. Волошинова, сумел своими энергией и напором меня увлечь, и с тех пор мы с ним не раз сотрудничали. И личное общение с Паньковым, и книжное общение с Бахтиным и Волошиновым много мне дали, за что я благодарен судьбе, персонифицировавшейся в лице Николая Алексеевича. Не всегда у нас совпадали точки зрения, но всегда общаться с ним бывало интересно. Спасибо ему.

Из предыстории романного слова

С. Г. БОЧАРОВ

Первый из двух докладов, прочитанных автором осенью 1940 и весной 1941 гг. в московском Институте мировой литературы. Об участии М. М. Бахтина в заседаниях учрежденной в Институте под руководством Л. И. Тимофеева группы теории литературы, в том числе о его выступлениях в апреле и мае 1941 г. на обсуждениях по докладам на темы «Род, вид и жанр» (доклад А. Н. Соколова — сохранилась стенограмма выступления М. М. Бахтина) и «Новелла как реалистический жанр» (доклад Н. Кравцова — стено-

грамма не сохранилась)¹. Из относящихся к сюжету кратковременных отношений М. М. Бахтина с ИМЛИ в архиве М. М. Бахтина сохранилось приглашение ему от 28 октября 1940 г. на доклад Г. О. Винокура «Язык как предмет науки о литературе»; ряд посещений им заседаний в ИМЛИ отмечен в дневнике М. К. Юшковой-Залесской, жены Б. В. Залесского, близкого друга М. М. Бахтина. Сохранился и текст объявления о его докладе:

«14 октября в 7—30 вечера в Институте мировой литературы имени А. М. Горького (Москворецкая ул., 11) состоится заседание группы по изучению теории литературы.

Повестка дня

М. М. Бахтин — Слово в романе (К вопросам стилистики романа).

Руководитель группы: проф. Л. И. Тимофеев»

(Архив РАН. Ф. 397. Оп. 2. Д. 14. Л. 23. Опубликовано Н. А. Паньковым: *Вопр. лит.*, 2007, № 3, 259).

Таким образом, название доклада 1940 г. в точности повторяло название кустанайского «Слова в романе» (далее — *СВР*). Докладом М. М. Бахтин сохранял свою тему, но доклад не только нисколько не повторял несостоявшуюся в печати работу первой половины 30-х гг. — он представил во второй половине десятилетия иной поворот той же темы. «Смех и многоязычие подготовили романное слово нового времени» — заключительная, итоговая фраза в докладе. Два сформулированных здесь опорных понятия в *СВР* не играли опорной роли: о *смехе* там просто как о существенной категории не было речи, на месте же *многоязычия* (как взаимоосвещения разных языков) опорной категорией было внутриязыковое *разноречие*². Наконец, акцент в заключительной фразе доклада на *подготовке* романного слова нового времени, т. е. на его *предистории*, как на новом главном предмете внимания, в последующей истории настоящего текста скажется на уточнении его темы и самого названия. Текстологическая история доклада 1940 г. и его публикации окажется достаточно сложной.

Путь бахтинской теории романа в 1930-е годы на исходе их оказался пересечен отделившейся и отклонившейся от нее другой фундаментальной работой — книгой о Рабле. Тема Рабле в *СВР* была лишь затронута в одном абзаце, и подход к ней еще почти не соотносился с будущей раблезианской концепцией диссертации 1940-го г. Но в рукописи «<К роману воспитания>», в части ее, много лет спустя оформленной в самостоятельную работу о хронотопе, эта будущая концепция в разделе о раблезианском хронотопе уже начинает складываться; очевидно, продолжала она оформляться и в книге о романе воспитания. По заключению исследовавшей творческую историю диссертации 1940-го г. И. Л. Поповой, непосредственная работа над текстом началась не ранее ноября 1938 г. (Собр. соч. М. М. Бахтина, т. 4/1, 858), т. е. вскоре за рукописью «<К роману воспитания>» и за предполагаемым завершением исчезнувшей в недалеком будущем книги на эту тему. Ровно восемь лет спустя, 15 ноября 1946, во вступительном слове на защите своей диссертации о Рабле, М. М. Бахтин сочтет нужным специаль-

¹ см. *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2009. С. 10—18.

² Там же, С. 21—24.

но сказать о зависимости своих занятий Рабле от своих занятий теорией романа:

«Дело в том, что Рабле первоначально, когда я приступил к этой работе, не был для меня самоцелью. Я работаю в течение очень многих лет над теорией, историей романа. И вот здесь, в этой работе, я встретился с явлением, что большинство литературоведческих понятий и теоретически и исторически совершенно не адекватно роману. Роман никак не укладывается в прокрустово ложе и не только теоретического, но и исторического литературоведения. Я столкнулся с целым рядом форм, таких явлений мирового романа на античной стадии его развития, как “Гиппократов роман”, “Климентины” — это совершенно не изучено. Даже в больших монографиях о романе, специальных монографиях о романе можно не встретить даже названия таких произведений <...>

Я упоминаю об этой форме романа. Это не случайно. Как раз наиболее второстепенные произведения, понятные с точки зрения теоретических, исторических положений, освещаются очень подробно и детально, а эти произведения нет.

И вот в процессе моих работ над теорией и историей романа я пришел к такому выводу, который здесь в очень общей форме сформулировал. Литературоведение, и историческое и теоретическое, в основном ориентировалось на то, что я называю классической формой в литературе, то есть формой готового, завершенного бытия, между тем как в литературе, в особенности в неофициальной, малоизвестной, анонимной, народной, полународной литературе господствуют совершенно иные формы, именно формы, которые я уже назову гротескными формами. Такие формы, главная цель которых заключается в том, чтобы как-то уловить бытие в его становлении, неготовности, принципиальной незавершенности и незавершенности. Вот что пытаются уловить эти формы. Поэтому они противоречивы и двойственны. Они не укладываются в те каноны, которые сложились на основании изучения классической литературы и истории литературы. Они в основном ориентируются на классическую античность, куда не могут войти ни “Гиппократов роман”, ни интересный для истории роман “Климентины”. В частности, это замечательная форма, форма сатиры, которая одна способна объяснить целый ряд выдающихся явлений в истории романов последующих веков, совершенно неизученных» (Собр. соч. М. М. Бахтина, т. 4/1, с. 1018—1019).

Завершителем этих тысячелетних традиций М. М. Бахтин называет затем Достоевского. Так сходятся в этом фрагменте вступительного слова на диссертационной защите бахтинская теория романа с двумя персональными героями всего его творчества — Достоевским и Рабле (подключается к этому комплексу и статья «Сатира» того же 1940 г.). Самый свой выход на тему Рабле автор объясняет здесь «блужданием» по описанной теоретической области: «И когда я по этой области блуждал, я натолкнулся на Рабле...» (*там же*, с. 1020).

В заключительном слове на той же защите автор вспомнил и свой доклад, прочитанный в том же году также в стенах ИМЛИ: «Я в этих стенах делал доклад по теории романа и отмечал, какую огромную силу имел смех в античности, в создании первого критического сократова сознания» (*там же*,

1062). Если теория романа привела его к Рабле, то и обратно Рабле приводит к новым акцентам в понимании романа — и, несомненно, к выдвиганию смеха как опорной категории в его понимании.

История текста доклада 1940 г. изучена и описана Л. В. Дерюгиной. В архиве М. М. Бахтина сохранился беловой автограф доклада (БА), видимо, по которому автор произносил его 14. 10. 1940. Рукопись выполнена рукой М. М. Бахтина на 19-ти разрозненных двойных листах, вырванных из школьной тетради, простым карандашом, и все страницы пронумерованы автором (1 — 101); начиная со с. 77, видимо, под его диктовку, текст записан рукой Е. А. Бахтиной. Сохранились в Архиве РАН и тезисы к докладу автора, опубликованные: *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2009, 68—70. В фонде М. В. Юдиной в ОР РГБ хранится часть черновой рукописи текста (ф. 527, картон № 24, ед. хр. 26; на обложке школьной тетради надпись: «Бахтин Михаил Михайлович. Материалы докладов по проблемам языка и особенностей романа эпохи Возрождения и о жанре романа вообще. 1930-е годы»). Не сохранилась, к сожалению, стенограмма обсуждения в заседании ИМЛИ (стенограмма подобного обсуждения второго доклада в 1941 г. с заключительным словом автора сохранилась). Также сохранилось несколько машинописей с правкой и дополнениями автора. К первой машинописи в БА отсылает надпись рукой неустановленного лица на обложке от школьной тетради, в которую были вложены листы рукописи: «Доклад прошу перепечатать в 3-х экземплярах. 1 экз. очень просил автор. Л. И. Тимофеев считает нужным это для него сделать. 21. 10. 40 г.». Надпись сделана через неделю после заседания, видимо, на предмет предполагавшегося издания в сборнике, о котором Тимофеев говорил на последнем заседании группы 26 мая 1941: «У нас подготовлен сборник, который включил ряд работ, в прошлом году нами заслушанных»³. Оба доклада М. М. Бахтина, конечно, должны были в этот сорванный войною сборник войти; видимо, этот план был в то время вполне осуществим, и рок бахтинской литературной судьбы, как и в истории книги о романе воспитания, в очередной раз сработал здесь.

В собрании сочинений текст печатается по БА с исправлениями отдельных мест по машинописям и печатным публикациям, начиная с изменения самого заглавия текста. Ряд дополнений и попутных соображений, позже вписанных автором на полях основной машинописи при ее перечитывании, введен в примечания к тексту под особым значком: 1*.

До первой частичной публикации текста дело дошло ровно спустя четверть века после его создания. В июне 1961 г. М. М. Бахтин передал машинопись работы посетившим его московским филологам, которые (В. В. Кожинов и С. Г. Бочаров) стали готовить первую публикацию. Она состоялась в журнале «Вопросы литературы», в № 8 за 1965, с. 84—90. К этому времени уже свершилось в 1963-м явление книги о Достоевском (*ППД*), и публикацией в ВЛ открывалась новая страница известности миру Бахтина-теоретика. Напечатана была в виде целой статьи лишь в существенно сокращенной редакции первая ее глава, методологически вступительная и по-

³ Там же, С. 19.

строенная на разборе пушкинского «Онегина». Статья явилась под названием «Слово в романе», с примечанием от редакции, написанным В. В. Кожинным и аннотировавшим очередную общую бахтинскую тему, тему речевых жанров, ожидавшую также опубликования: «Эта небольшая статья представляет собой фрагмент из книги о *жанрах речи*, над которой работает в настоящее время М. Бахтин. Книга посвящена исследованию тех специфических типов, или *жанров*, речи, которые складываются в различных условиях устного общения людей и в разных формах письменности, в том числе в разных формах художественной литературы» (*ВЛ*, 1965, № 8, с. 84). При публикации было срезано самое начало статьи, со всеми иноязычными ссылками в примечаниях на европейские теоретические работы, и для оформления начала статьи готовившие ее публикацию составили две авторские фразы: «Своеобразие речи романа как особого литературного жанра изучено еще далеко не достаточно, Большинство работ, анализирующих язык и стиль романа, в той или иной степени отвлекаются...» и так далее по авторскому тексту. Исключены были также три последних абзаца первой главы статьи, с предварительными характеристиками двух больших факторов подготовки и создания романного слова — смеха и многоязычия. Но при этом готовившие публикацию ввели — и довольно удачно — в авторский текст два позднейших авторских дополнения на полях машинописи: «Как человек не укладывается до конца в свое реальное положение...» и до конца фразы — и: «Язык романа нельзя уложить в одной плоскости...» и т. д.

За пределами публикации оставалась большая и наиболее принципиальная для автора часть работы, и о ее публикации несколько лет спустя позаботился сам М. М. Бахтин. В 1967 г. он подготовил в Саранске для сборника Ученых записок Мордовского госуниверситета «Русская и зарубежная литература» статью под новым названием — «Из предистории романного слова», сославшись при этом на «Слово в романе» в «Вопросах литературы» за 1965 г., а также на раздел о типах прозаического слова в ППД в 1963-м. Новая статья с иным названием состояла из оставшейся за бортом в *ВЛ* большей части текста доклада 1940 г. (его второй и третьей глав, включая и исключенные три последних абзаца первой главы); в качестве вступления к статье автором был написан новый текст, а исключенные три абзаца были дополнены и переписаны; переделано было и завершение текста и приписан отсутствовавший в докладе заключительный абзац. Статья напечатана: «Русская и зарубежная литература (Исследования, статьи, публикации)», Саранск, 1967, с. 3- 24.

Третьим этапом разрозненной до того публикации текста стала статья в *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975 (*ВЛЭ*): «Из предистории романного слова» — *ВЛЭ*, с. 408—446. Текст был, наконец, воссоединен и впервые опубликован полностью, при этом вынужденная редактурой 1965 г. была устранена целиком, ссылки на европейские работы полностью восстановлены, но в тексте остались введенные в *ВЛ* позднейшие дополнения из машинописи. Главное же — автор, готовя в 1973—1974 гг. свою книгу к печати (увы, по выходе оказавшуюся посмертной), утвердил общее название из саранского варианта — «Из предистории романного слова». Из саранского варианта перешел в текст *ВЛЭ* и завершающий новый абзац, но

другие авторские саранские изменения в тексте в редакцию *ВЛЭ* не перешли.

В собрании сочинений М. М. Бахтина воспроизводится текст белого автографа 1940 г. (*БА*), позднейшие дополнения автора на полях машинописи не сохраняются в тексте и даются отдельно под строкой курсивом как особые примечания со значком 1*. Сохраняется утвержденное автором при подготовке *ВЛЭ* общее название саранского варианта, написанное же автором в 1967 г. начало саранского варианта печатается отдельным текстом как «**Из предыстории романного слова (Саранск)**». Под тем же титулом печатается отдельно и написанный автором для саранского издания завершающий абзац статьи.

Тезисы автора к докладу 1940 г. также печатаются отдельно: «<Слово в романе (К вопросам стилистики романа). Тезисы>».

Лаконичная и несовершенная публикация в *ВЛ* в августе 1965 стала событием, положившим начало международной известности М. М. Бахтина-теоретика: она была чрезвычайно быстро отмечена Юлией Кристевой в докладе «Бахтин, слово, диалог и роман» — и даже можно сказать, что это первое выступление в мировой бахтинистике она в немалой мере вызвала («*Critique*», 1967, t. 23, № 239, p. 438—465): «Чуждый технической строгости, характерной для лингвистов, обладая вдохновенной, а временами и просто пророческой манерой письма, Бахтин ставит коренные для современной структурной нарратологии проблемы, что и придает актуальность его текстам, к созданию которых он приступил около 40 лет тому назад» (см.: *Pro et contra*, т. I, с. 213, 215; пер. Г. К. Косикова).

Дипломная работа Т. П. Ломтева

К. БРАНДИСТ, Е. ЧОУН

Николай Алексеевич Паньков сделал много важных вкладов в качестве исследователя в русских архивах и выявил ряд новых важных материалов и документов. Такая работа добавила много к нашему пониманию работы Круга Бахтина в частности, с публикацией материалов, держащихся в личном деле Валентина Волошинова в Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), который держится в фонде Российской ассоциации научно — исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), отмеченным особенно важным. Поэтому мы посчитали этот документ подходящим, чтобы презентовать его в честь Николая Алексеевича.